

М. АБДУРАИМОВ

ПЕРЕЖИТКИ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ В УЗБЕКСКОМ КИШЛАКЕ ХУМСАН

(XIX — начало XX в.) *

Горное селение Хумсан расположено в Бостандыкском районе Ташкентской области¹, к северо-востоку от Ташкента, в предгорьях западного Тянь-Шаня, на берегу р. Угам. Кишлак лежит в ложине, с трех сторон окруженной высокими горами.

В XIX— начале XX в. в Хумсане сохранялись пережитки сельской общины. Они проявлялись в укладе общественной жизни, в землепользовании, скотоводстве, ремесле и т. д. Описание этих пережитков общинных устоев, все более разрушавшихся в условиях роста классового расчленения узбекского народа, составляет задачу настоящей статьи.

Свою общину хумсанцы называли «юрт»² или (очень редко) «джамоа».

Одной из характерных особенностей сельской общины в Хумсане было сохранение здесь до недавнего времени пережитков патриархально-родовых отношений. До коллективизации в кишлаке насчитывалось более полуторы тысячи семейств, и каждое из них знало, к какой родовой группе оно принадлежит, знало и родоначальника этой родовой группы.

Основные родовые группы — «топ» — в Хумсане были следующие: Шо(х)бува, Олимбува, Мирсидиковой, Мирзабек, Толиббува, Тоирбува, Турдивой, Разыкбува, Ирисвой³. Возможно, что хумсанские топы некогда включались в состав существовавших в самом Хумсане или других местах больших родов, входивших в тот или иной племенной союз. Однако даже у глубоких стариков, проживающих ныне в кишлаке, не сохранилось воспоминаний о том, к какому из известных в литературе крупных тюркских племен принадлежали их предки.

От людей, пришедших в кишлак позднее, коренные жители обособлялись, называя их «авлод» (потомки, потомство). Судя по их именам, авлоды были выходцами из таджикского, казахского, киргизского и другого населения, проживавшего в соседних горных местностях Бостандыкского района. Авлоды: Исмат-таджик, Букамбой-киргиз, Тулак-казах, Курбан-кул-калмык, а также чукайчи⁴ поныне составляют довольно

* В основу статьи легли личные наблюдения автора, уроженца Хумсана, а также информация, полученная от его жителей старшего поколения. Большую помощь при написании статьи оказали мне О. А. Сухарева и Я. Г. Гулямов.

¹ В начале 1956 г. по постановлению Президиума Верховного Совета КазССР Бостандыкский район из состава Казахской ССР перешел в состав Узбекской ССР.

² В Хумсане и ныне употребляют средневековый тюрко-монгольский термин «юрт» в смысле стоянки, населенного места, кишлака.

³ Воспоминания Беркинбува Сабирова (1867 г. рожд.), Муллы Махаммад домла Баева (1869 г. рожд.), Абдулхакима Халова (1866 г. рожд.), Бувараймбува, сына Исмаилбува (1865 г. рожд.). В говоре хумсанцев слово «бува» означает «бобо», т. е. «дед».

⁴ «Чукайчи» — ремесленник, занимавшийся производством «чукай» — обуви из сырьмятной кожи.

большую часть населения кишлака. По нашим сведениям, они появились в Хумсане в середине или во второй половине XIX в. Престарелые жители Хумсана хорошо помнят приход в кишлак в 1880-х годах Тулак-казаха и Букамбой-киргиза. Эти пришельцы, хотя и стали членами общины, ни в какие топы приняты не были; когда в начале XX в. между членами топов и авлодами стали заключаться браки, потомство их все же в топы не допускали. До установления советской власти авлоды были лишены многих прав; они не могли избирать и быть избранными в органы управления кишлака; их дома находились на окраинах, в неблагоустроенных местах, а авлоды Тулак-казаха жили даже вне кишлака, в местности Кирагил (к северо-востоку от Хумсана). Авлоды были беднее, чем члены топов.

Устойчивость родственных связей и замкнутость топов отражались в обычаях заключения брака. Каждый топ старался не отпускать никого из своих членов на сторону. Был распространен кросскузенный брак, реже встречался брак ортокузенный; последний был обусловлен экономическими расчетами. Если девушка являлась единственной наследницей бога того отца или предполагалось, что, наряду с другими наследниками — мужчинами, она унаследует значительную часть земли и скота, ее ни когда не отдавали замуж за чужого. Но, с другой стороны, богатые семьи были заинтересованы в большом числе рабочих рук. Некоторые принимали все меры к тому, чтобы закрепить за собой работников — «кошчи» (издольщиков) и «кароли» (батраков). Бывало, что хозяин, не желая лишиться своего кошчи, женил его сам; некоторые богатые крестьяне женили кошчи на своих дочерях. Такой брак был одним из средств эксплуатации: кошчи-зять всю жизнь безвозмездно работал на своего тестя.

Большинство хумсанцев жило большими патриархальными семьями, после женитьбы сыновей не выделяли, стараясь не дробить хозяйство. Если кто-нибудь из сыновей выделялся после женитьбы, в этом обвиняли молодую сноху или мачеху новобрачного, если она у него была. Накануне коллективизации (1929 г.) в Хумсане было еще много неразделенных семей. Небольшое число их продолжает существовать и поныне. Так, Беркинбува Сабиров (1867 г. рожд.), в прошлом зажиточный крестьянин, до последнего времени не выделил своих сыновей. В его семье 26 человек; все они питаются вместе, как говорится у узбеков, — из одного котла. Старший сын Беркинбува Сабирова Пират имеет 16 детей и внуков, а его младший сын Махмуд только одного ребенка; при этом Махмуд, работающий заготовщиком фруктов в Бостандыкском сельпо, зарабатывает значительно больше, чем его многодетный брат Пират. И все же, несмотря на неравные доли вкладов в общее хозяйство, семья живет очень дружно.

Сельская община Хумсана имела свою правящую верхушку. Над всей общиной стоял «аксакал» (старшина), в подчинении которого находились «эллик-баши» (пятидесятники) «даха» (кварталов). По воспоминаниям одного из бывших аксакалов, Мулла Назара (умер в 1931 г. в возрасте 98 лет), аксакала и пятидесятников до присоединения Средней Азии к России назначал бегляр-беги Ташкента⁵. После присоединения Средней Азии к России аксакал и эллик-баши, в соответствии с порядком, установленным Положением об управлении Туркестанским краем, переизбирались через каждые три года. Выборами аксакала и эллик-баши руководил мингбаши, представитель местной уездной администрации.

На должность аксакала обычно претендовали одновременно несколько человек. По словам стариков, каждый влиятельный топ выставлял свою кандидатуру. Претендент на должность аксакала и богатые члены

⁵ «Бегляр-беги» (букв. бек над беками) Ташкента в качестве наместника кокандского хана управлял всеми северными частями ханства — от Ташкента до Ак-Мечети (ныне Кзыл-Орда).

его топа давали взятки мингбаши, эллик-баши и некоторым влиятельным избирателям и в течение нескольких дней устраивали для них угощение. В назначенный день все претенденты собирали своих избирателей отдельными группами в центре кишлака, и мингбаши со своими людьми производил подсчет собравшихся. Аксакалом становился тот, чья группа была больше. Процедура избрания эллик-баши кварталов была той же. В выборах принимали участие все члены топов; авлоды, как уже говорилось, в выборах не участвовали.

В органах местной администрации Хумсана главную роль играли привилегированные топы: Шобува и Мирзабег. Все должностные лица — аксакалы, эллик-баши, мингбаши, кази и др. — избирались из этих двух топов. Поэтому топы Шобува и Мирзабег постоянно соперничали и находились во вражде друг с другом.

Аксакалов избирали почти всегда из топа Шобува. Мингбаши тоже обычно избирались из того же топа, а кази — из топа Мирзабег.

* *
*

До коллективизации основное место в хозяйстве хумсанцев занимало богарное земледелие. Орошаемых земель, используемых для садоводства, бахчеводства и овощеводства, у хумсанцев было немного, и они играли меньшую роль, чем в соседних кишлаках (Ходжент, Чимойлик, Газелкент, Хандайлык и др.). Все богарные земли, пригодные для возделывания зерновых культур, находились в общем пользовании.

По воспоминаниям стариков, хорошо знающих особенности хозяйства хумсанцев по крайней мере за два поколения назад, в давние времена орошение земель вообще было не в обычае хумсанцев. Но в середине и особенно во второй половине XIX в. положение изменилось. Вся община или отдельные ее члены стали все более заниматься освоением и орошением новых земель «буз» и «курук» (эти слова можно условно перевести русскими терминами: залежные и целинные земли)⁶.

Земли, находившиеся в северо-западной части кишлака, орошались водами арыков, выведенных из ручьев Консай и Аркыт, и носили название «дала» (букв. — поле).

В Хумсане земля орошалась двумя способами: арыками, выведенными из речек (сай) или ручьев (анхор), и водами родников (булак). Водой пользовались все, кто принимал участие в проведении арыка и чьи посевы и сады были расположены в орошаемой им полосе. Вода родников считалась собственностью тех, на чьих землях находились родники.

За регулированием водопользования из оросительного арыка следил мираб, назначаемый водопользователями. Мираб распределял воду по «чакам» (очередям). Каждый получал воду, когда подходила его очередь, будь то днем или ночью. За работу мирабу назначалась определенная плата, обычно зерном. Каждый пользователь водой, смотря по размерам орошаемых полей, платил ему от одного до двух пудов пшеницы.

Об устройстве арыков, их ремонте и очистке заботилась вся община, и орошаемая земля вначале была собственностью всей общины. Престарелые жители Хумсана хорошо помнят, что только в 1880-х — 1890-х гг. произошел дележ этих орошаемых земель между всеми членами хумсанских топов, причем при распределении земли все члены топов получили одинаково — по одному кошу⁷. Жители, пришедшие в Хумсан позже и не входившие в топы, орошенной земли не получили. Те члены топов, которым не хватило земли на «дала» получили (тоже по одному кошу) орошаемые поля в других местах близ селения.

⁶ Другое значение термина «курук» и литературу о нем см. ниже.

⁷ «Кош» — участок земли, вспахиваемый в течение дня упряжкой из двух быков.

Но вскоре подавляющее большинство членов общины лишилось своих наделов. С развитием частной собственности на землю начался захват орошаемых земель верхушкой общин, и устои сельской общины в Хумсане стали все больше разрушаться.

Захват общинных земель начался с плодородной, орошенной родниковыми водами восточной окраины Хумсана. В конце XIX в. группа людей, принадлежавших к верхушке жителей Хумсана, объявила эту землю запретной, недозволенной («харом») и не позволила засеять ее другим членам общины. Правда, какая-то часть общины, по-видимому, оказали им сопротивление. Тогда баи пошли на уступки, пустив на земли «харом» еще нескольких жителей Хумсана, а некоторых сопротивлявшихся подкупили. Захватившие землю разбили в этом районе фруктовые сады стали засеять поля вместо зерновых культур клевером, бахчевыми и т. д.

Затем начался захват и других плодородных земель сельской общины — упомянутых выше «дала», орошенных силами всех жителей кишлака. Во второй половине XIX — начале XX в. их стали постепенно захватывать зажиточные крестьяне и кулаки. Утрата земельных наделов большинством членов общины была вызвана налоговым гнетом и острой материальной нуждой. Бедняки закладывали свои земли богатым баям которые платили за них налоги; потом они не могли расплатиться с займодавцами и вынуждены были продавать им свои земли. Иногда бедняки крестьяне уходили из кишлака в поисках заработка с тем, чтобы накопить денег и выкупить свою землю, но это почти никому не удавалось. Постепенно все земли «дала» превратились в собственность захвативших их богатых семей.

О практике широкого заклада земли беднейшей частью населения Ферганской долины и о сосредоточении орошаемых земель в руках богатых семей и разрушении основы общинного землевладения писал агроном В. Юферев⁸. Тот же процесс описан в новейшей этнографической литературе по материалам, собранным в Наманганской области⁹.

Захват общинных земель шел не только путем заклада и покупки но и путем прямого завладения теми землями, которые при затрате известного труда и средств можно было обеспечить водой. На юге Хумсана имелись тугаи — заросли дикорастущих фруктовых деревьев и камыша которыми в прошлом пользовались все жители кишлака. Это урочище местные жители называли Тукай. В конце 1880-х годов один из богатейших очистил участок тугаев от деревьев и кустарников, вслахал его и засеял зерном. На следующий год он провел арык из речки Аркыт, оросил этот участок, засеял его клевером, посадил фруктовые деревья и огородил урочище Тукай, соорудив вокруг него дренажные каналы (завур) и ограждение из колючих прутьев.

Когда после захвата урочища Тукай некоторые члены общины стали проявлять недовольство, почти во всех мечетях кишлака после намазов начали выступать имамы и другие духовные лица с напоминанием о том, что «земля принадлежит богу, а вода — султану, владыке страны». В данном случае имелись в виду богачи и амалдоры кишлака. Богачи, захватывавшие общинные земли, ссылались на известную норму мусульманского права, признающую частную собственность на «оживленную», т. е. орошенную, землю.

В первую очередь богатые семьи Хумсана захватывали те земли, где были родниковые воды. В кишлаке и поныне сохранилось более тридцати больших фруктовых садов, разведенных на землях, орошаемых такими

⁸ В. Юферев, Хозяйство сартов Ферганской области, Ташкент, 1911, стр. 16—22.

⁹ О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова, Прошлое и настоящее селения Айкыран. Опыт этнографического изучения колхоза имени Сталина Чартакского района Наманганской области, Ташкент, 1955, стр. 36—89.

водами. Здесь разводили цветущие сады и высевали разнообразные поливные культуры, тогда как принадлежавшие другим дехканам соседние земли засеивались только богарными зерновыми культурами. Среди освоивших эти земли под сады не было ни одной бедной семьи. Для скапливания воды владельцы родников сооружали возле них большие водоемы, называвшиеся «думба». Соседям воды для орошения не давали — им разрешали лишь поить скот и брать воду для питья. Для подхода скота и людей к водоему владельцы «думба» оставляли тропинки (в Хумсане такие тропинки существуют и поныне; они называются «ёлгиз аёк йўл», т. е. дорожками, по которым можно ходить лишь пешком и подоночке), а остальной участок огораживали колючим кустарником. Огородненная земля называлась средневековыми терминами «кура» или «курук»¹⁰. Только в тех случаях, когда вода была в избытке, ее владелец отпускал излишки соседям за определенное вознаграждение; чаще всего он отрезал за это часть соседней земли.

Вскоре в Хумсане появились собственники не только родниковой воды, но и больших оросительных каналов. Так, Сатиболдыбай из топа Шобува на северо-западной окраине кишлака соорудил арык, отведя воду из родников, известных под названием Минг-булак, и оросил им более двадцати батманов земли¹¹. Он же вывел другой арык протяженностью более 25 верст на северо-востоке Хумсана и оросил земельные массивы, известные под названием Суфа. Участок более чем в пятнадцать батманов был засеян клевером. В последующее время крестьяне, посева которых были расположены в полосе этого арыка, принимали участие в ремонте и очистке арыка, и потому им разрешалось пользоваться его водою. Но жители казахских аулов Бечит и Капаль, расположенных к юго-востоку от Хумсана, за получение воды из арыка Сатиболдыбая обязаны были платить ему зерном и баранами, иначе владелец арыка не разрешал им пользоваться водой. После смерти Сатиболдыбая (в конце 1890-х годов) указанные арыки были расширены его сыном Шомадбаем, одним из крупных землевладельцев начала XX в. Шомадбай соорудил еще один новый арык, известный под названием Чимган-арык. Все эти арыки были заброшены в годы разрухи, связанной с гражданской войной¹².

Другие богачи кишлака вывели большой арык из речки Кирагил. В отличие от других арыков, он не был предназначен для орошения: здесь построили водяные мельницы, приносявшие довольно крупный доход.

Не ограничиваясь захватом орошаемых земель, верхушка Хумсанской общины постепенно присваивала себе и богарные земли кишлака.

Вместе с развитием частной собственности на землю и воду и с ростом классового расслоения в кишлаке появились различные социальные группы, на характеристике которых мы должны коротко остановиться.

Выше указывалось, что наряду с владельцами больших земельных угодий (как поливных, так и неполивных) среди хумсанцев имелись ма-

¹⁰ Кўра (кўрья) — тюркско-монгольский термин, означающий ограду из камыша или из прутьев, внутри которой ставились палатки на зимовье. «Для могущественного Тимура и славных царевичей устроили кура из тростника, а внутри их воздвигли высокие шатры и палатки» (Шарафуддин Али Йезди, Зафар-намэ, Калькуттск. изд., 1885—1888, стр. 381). Тюркское «кўрук» означает запретное, заповедное место: «Близ Шамсабада Малик-Шамсуль-Мульк отвел пастбище для царских лошадей и назвал это место Гурук (собств. курук). Он огородил это место крепкими стенами» (Мухаммед Наршахи, История Бухары. Пер. с персидского Н. Лыкошина, под ред. В. В. Бартольда, Ташкент, 1897, стр. 40); См.: А. Л. Троицкая, Заповедники курук кокандского хана Худаяра, «Сборник Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», вып. III, Л., 1955, стр. 125 сл.

¹¹ Батман земли — площадь, на которой высевается 1 батман пшеницы. В Хумсане батман равнялся 11 пудам.

¹² Запись воспоминаний Эрматбайбачи, сына Шомадбая (1882 г. рожд.).

лоземельные и совсем безземельные крестьяне. Безземельные становились издольщиками (кошчи) и батраками (кароли)¹³. В большинстве те и другие не были членами топов, а набирались из числа авлодов — кайчи, Букамбай-киргизов, Тулак-казахов и других. Подавляющее большинство этих авлодов были безземельными и бесскотными; у многих было даже ослов, столь необходимых в условиях Хумсана в качестве верховых и вьючных животных. Их жилища обычно состояли из одной комнаты и навеса с маленьким двориком: запас одежды — из двух бах, штанов и ватного халата из хлопчатобумажной ткани. Не в лучших экономических условиях находились те кошчи и кароли, которые были членами топов.

Богатые семьи нанимали по нескольку кошчи и кароли. Обязанности их были определены довольно четко. Кошчи занимались вспашкой земли, поднятием ябзи, посевом зерна. После окончания весенних посевов он заготавливал сено на зиму. Тем временем подходила пора жатвы и затем посева озимой пшеницы. За свою работу все кошчи, работавшие на данного хозяина, получали от него $\frac{1}{4}$ урожая зерновых на весах. За работы, не связанные с зерновыми культурами (например, на сенокосе в саду, на бахчах и т. д.), кошчи не получали ничего. При этом кошчи, получив $\frac{1}{4}$ часть урожая, обязаны были платить и $\frac{1}{4}$ часть поземельного налога хозяина. Обычно они не были в состоянии платить этот налог — за них платил бай, и кошчи тем самым становились все более зависимыми от него.

Бедняку-кошчи было трудно обзавестись семьей. После женитьбы он был обязан платить еще один налог, так называемый «рахат-пули»¹⁴, или «даха-пули» (квартальный налог). Между тем, лишь став плательщиком рахат-пули, человек получал все права самостоятельного члена общины. Составляя основную массу эксплуатируемых слоев населения в Хумсане многие кошчи становились потомственными издольщиками; здесь не знало случая, чтобы кошчи когда-либо снова становился самостоятельным крестьянином, имеющим землю и рабочий скот. Наоборот, по мере роста классового расслоения все больше малоземельных крестьян превращались в кошчи.

Обязанности батраков-кароли далеко не ограничивались домашними хозяйственными работами. В зависимости от сезона они должны были пасти хозяйский скот, готовить топливо на зиму, носить воду, доставлять пищу на поля, где работали кошчи, и т. д. Обязанностью кароли считалось также пригонять вьючных животных с поля в кишлак и гонять быков на гумно. Труд батраков ценился очень дешево: за целый год работы они получали от 0,5 до 1,5 батмана пшеницы, в зависимости от их возраста и характера выполняемой работы. Кроме того хозяин давал кароли одежду из хлопчатобумажной ткани. Если кароли хотел одеться получше, хозяин ему в этом не отказывал; наоборот, он с охотой выполнял его просьбу, но сумму, израсходованную на одежду, вычитал потом из заработанных денег. Таким образом, многие кароли входили в долги и долгие годы должны были расплачиваться с хозяином своим трудом. Хороших батраков бай разными способами старались удержать у себя: для этого когда работники достигали возраста 20—22 лет, их иногда переводили в разряд кошчи.

Еще одной категорией эксплуатируемого населения были каранда. Они работали главным образом на бахчах и огородах, т. е. на орошаемых землях, нанимаясь на летнее время. В кишлаке их было немного. В отли-

¹³ Кошчи (букв. пахарь) в Хумсане называли издольщиков, с марта по октябрь работавших у богатых крестьян за $\frac{1}{4}$ часть урожая. Кароли — батраки, главным образом из числа юношей и подростков, которых нанимали на целый год или с ранней весны до зимы за определенное количество зерна, реже — других продуктов или скота.

¹⁴ «Рахат», или «рахт» (таджикско-персидск.) — букв. «домашняя утварь».

чие от кошчи, карандаэ не выполнял работ, связанных с зерновым хозяйством. Вознаграждение карандаэ составляло $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ урожая.

Так называемых поденщиков (мардикоров) в Хумсане не было. Нам кажется, что это объясняется отсутствием здесь даже в начале XX в. капиталистических отношений, отсутствием денежного обращения и преобладанием натурального хозяйства.

Довольно многочисленную социальную категорию жителей Хумсана составляли бедные, малоземельные крестьяне. Большинство из них имело одного быка и небольшой участок (2—3 коша) земли. Часто двое таких крестьян объединяли свои средства производства и вели совместное хозяйство, называвшееся «шерикчилик» (товарищество, сообщество). Существовал и другой вид шерикчилика: те из крестьян, которые имели землю, но не имели рабочих быков или семян, либо, наоборот, имели семена и быков, но не имели земли, объединялись с владельцами недостающих им средств производства. При первом виде шерикчилика компаньоны назывались «тенг-шерик» (равные товарищи), в принципе они получали равные доли; при втором — владелец земли (ярим-шерик, т. е. «полу-шерик») получал $\frac{1}{3}$ урожая, а остальное шло владельцу быков и семян. Как при первом, так и при втором виде шерикчилика семена считались неприкосновенными, и прежде чем делить урожай между шериками, выделяли семена. Строго учитывались и рабочие руки. Если кто-нибудь из шериков имел больше рабочих рук, он по соглашению сторон получал больше зерна. Среди шериков первой категории в Хумсане всегда существовало равноправие и согласие: напротив, второй вид шерикчилика стал орудием эксплуатации малоземельных крестьян. Бедные крестьяне, отдавая свои земли под засев зажиточным, вынуждены были работать на своей же земле наравне с кошчи богачей. Кроме того, если владелец быков и семян выставлял больше рабочих, он и за это высчитывал с них при дележе урожая. Иногда положение бедных крестьян — ярим-шериков, компаньонами которых были баи, фактически не отличалось от положения кошчи. Таким образом, шерикчилик также стал одной из форм эксплуатации сельской бедноты.

Существовали в Хумсане и косвенные способы эксплуатации беднейшей части населения. Для этого служили различные виды взаимопомощи: «урок хашари»¹⁵ (хашар для жатвы хлеба), «личан хашари» (сенокосный хашар), «кош оши»¹⁶, «ўтун оши» (угощение за дрова) и т. д. Не ходить на хашар считалось в глазах общества недопустимым. Весной (во время посева яровой пшеницы и сенокоса), летом (во время жатвы и молотбы) и осенью (во время посева озимых и заготовки дров на зиму) хашар отнимал по несколько дней у бедняков-крестьян. Как правило, хашар устраивали аристократия общины и богатые семьи. Среди них были такие семьи, которые совсем не имели кошчи, а вели свое хозяйство на основе хашара. Это были главным образом амалдоры и представители духовенства. Так, Мулла Ахмад мингбаши, Махмуд аксакал, Мулла Каратай домла, Мулла Акбар бай и др. вели все свое хозяйство путем организации хашаров, а обосновавшийся в Хумсане ташкентский таиб Мирдауд каждый год таким образом засебал и убирал пшеницу на площади в 40 батманов земли¹⁷.

Пережитки соседской общины сохранялись и в скотоводстве.

¹⁵ Хашар — помочи, общественная взаимопомощь.

¹⁶ Кош оши — букв. «угощение за вспашку земли». Кош оши устраивали обычно богатые семьи, и все те, кто принимал участие в угощении, на следующий день обязаны были идти со своими быками, запряженными в омач, на поле устроившего кош оши. Такой кош оши нельзя смешивать с традиционной церемонией кош оши, устраиваемой в доме каждого крестьянина весной перед началом полевых работ.

¹⁷ По воспоминаниям Наджима Мухсиiddинова (1882 г. рожд.), Насраддина, сына Ахмада мингбаши (1906 г. рожд.), Артыкбая, сына Муллы Каратай дамлы. (1896 г. рожд.), Фазил-хана (1885 г. рожд.) и др.

Наличие в Хумсане богатых горных пастбищ и сенокосов способствовало развитию скотоводства, которое занимало большое место в хозяйстве кишлака. Почти все жители его имели скот, причем приблизительно $\frac{1}{4}$ часть их — в довольно большом количестве. Пастбища и сенокосы ходились в пользовании всех хумсанцев. Скотоводов других районов пользованию пастбищами и сенокосами не допускали; разрешение давали лишь за плату (деньгами или натурой), которая шла в пользу общины.

Сено каждое хозяйство заготавливало, исходя из количества принадлежавшего ему скота, наличия рабочих рук и вьючных животных для ставки сена в кишлак. Состоятельные люди, имевшие много скота, заготавливали сено не только на ближайших сенокосах, но и на дальних горных лугах. Сенокосение считалось одной из главных сельскохозяйственных работ, так как скот почти четыре месяца (с конца ноября до конца марта) содержался в хлевах.

С наступлением мая начиналась откочевка на дальние пастбища. Небольшие богатые скотовладельцы объединяли свой дойный скот (коров, коз и овец) и посылали на кочевья одну какую-нибудь семью на определенных договорных условиях. Такая семья после перекочевки в кишлак отдавала часть молочных продуктов владельцам скота, а за свою работу получала плату молочными продуктами, иногда и скотом, в большинстве же случаев зерном. Состоятельные хозяева откочевывали со своими стадами сами.

Для выпаса небольшого количества оставшегося в кишлаке скота владельцы его выделяли пастуха — «подачи». Осенью он получал за свой труд по полпуда пшеницы за каждую голову крупного рогатого скота в возрасте свыше трех лет. Кроме того, владельцы коров сообщали одевали обувь и кормили пастуха. Каждый вечер в порядке очередности он ел в одном из домов нанявших его хозяев, а в другой дом приходил с поклажей, в которую хозяйка дома накладывала ему пищу и давала лепешку для его семьи; утром он шел в третий дом, где ему давали пищу, которую ему должно было хватить до вечера¹⁸.

Для того чтобы можно было ранней весной содержать скот вблизи кишлака, все посевные площади, кроме орошаемых, делили на три части («уч дала», букв. — трехполье), и одну из них оставляли под пастбища. Это поле называли «подалок» (поле для выгона скота). Когда скот пригоняли с летних пастбищ, его пасли на пожнивье. Поля же, оставленные для выпаса скота весной, осенью засеивали озимой пшеницей. Подалоки, оставленные под пастбища, никто не имел права засеивать; если же кто-либо засеивал их самовольно, население выгоняло сюда скот и уничтожало посев. Здесь ясно сказывалось право общинной собственности на богарные поля.

Общинное пользование пастбищами хумсанских скотоводов имеет аналогию с хозяйством горных таджиков¹⁹ и узбеков Южного Таджикистана²⁰.

В общинном владении жителей Хумсана находились леса и кустарниковые заросли, где производились заготовка топлива, сбор дикорастущих плодов и лекарственных растений.

Каждое хозяйство заготавливало столько дров, сколько ему требовалось, но за это оно должно было платить определенную сумму общине. Налог государству за заготовку дров не платили. По словам стариков, лет 70–80 назад средства, накопленные от платы за дрова, расходовались на

¹⁸ По воспоминаниям подачи Сафара Букамбаева (1892 г. рожд.) и Нарман Исраилова (1893 г. рожд.).

¹⁹ См. Е. М. Пещерева, Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи, Ташкент, 1927; Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло, Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. Л., 1936.

²⁰ Б. Х. Кармышева, Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, Сталинабад, 1954.

нужды кишлака (для ремонта дорог, починки мостов, очистки арыков и т. д.).

По сей день сохранились пережитки общинной взаимопомощи при заготовке топлива: кто не имеет сам возможности заготовить себе дрова на зиму или не располагает вьючными животными для их перевозки, устраивает упоминавшийся выше «ўтун оши». Вечером, накануне дня помощи, он приглашает к себе и угощает нескольких молодых людей, которые на другой день едут за дровами и привозят их устроившему «ўтун оши».

Пережитком сельской общины являлся сохранившийся в Хумсане порядок сбора дикорастущего грецкого ореха. Перед сбором все ореховые рощи распределялись по жребию между кварталами кишлака, после чего все население — молодые и старики, мужчины и женщины, богатые и бедные — поквартальными группами шли в ту ореховую рощу, на которую пал их жребий. Сбор урожая превращался во всенародный праздник. Выходили из кишлака рано утром. Впереди шли «карнайчи» (трубачи), «сурнайчи» (флейтисты), «ашулаки» (певцы), «уйинчи» (танцовщики). На месте работы устраивали торжественные угощения. Кушанья готовили для всех в большом квартальном котле («даха казан»). Во время обеда и вечером после работы организовывали пение, танцы, игру на музыкальных инструментах и т. д. Характерно, что урожай ореха распределялся не по числу людей, работавших на сборе ореха, а по количеству семей, входивших в ту или иную даха. Одиноким старикам, старухам или женщины с малолетними детьми, не имевшие возможности принять участие в сборе урожая, также получали свою долю наравне с другими семьями квартала. Авлоды при сборе и распределении урожая ореха пользовались равными правами со всеми другими жителями кишлака.

Насколько непреложным было право членов общины на те материальные блага, которые, по обычаю, принадлежали всей общине, можно видеть на таком характерном примере. В Хумсане очень много ореховых деревьев находилось посредине богарных полей, засеянных зерновыми, и все эти деревья считались принадлежавшими юрту, а не тем, кто засеивал поля. Право общины на урожай орехов не распространялось только на те деревья, которые росли во фруктовых садах и на полях, засеянных клевером, бахчевыми и овощными культурами, т. е. на поливных землях.

* *
*

В Хумсане были свои ремесленники: ткачи, портные, кузнецы, сапожники, столяры и др. За свой труд они получали от общины плату натурой. Например, в Хумсане было два кузнеца. Они работали круглый год и выполняли разные заказы крестьян, изготавливая преимущественно земледельческие орудия. За каждое из своих изделий они платы не требовали, но летом и осенью, во время сбора урожая, каждое хозяйство первым долгом выделяло «уста хаки» — «долю мастера», доставляя продукты к нему на дом. Так же работали портные, сапожники, парикмахеры²¹.

Говоря о ремесле и домашних промыслах, нельзя не остановиться на одном интересном обычае хумсанских женщин и девушек. Для производства хлопчатобумажных тканей женщины сами готовили осенью и зимой нитки на прялку «чарх» (в Хумсане «чах»). В кишлаке существовала своего рода артель девушек, прявших нитки, которая называлась «кизлар дахасы» (даха девушек)²².

²¹ По воспоминаниям кузнецов Карабой Хакимова (1890 г. рожд.) и Мирзаахмеда Халматова (1891 г.), ткача Гура Назарова (1881 г.), парикмахера Агзама Алимова (1898 г.), сапожника Шахоба Максудова (1894 г. рожд.).

²² Слово «дах» в производственном значении в таджикско-персидских и арабских словарях не встречается. Но в арабском языке есть эквивалент этого слова — «этикоф», которое означает: усердно работать над чем-нибудь, усиленно заниматься

Девушки собирались со своими прялками и хлопком в доме у одной из них и в течение условленного времени, ни днем ни ночью никуда не выходя, пряли нитки; сначала все пряли их для одной, потом для другой и т. д. Замужние женщины в даха не входили, у них существовала другая форма совместной работы — «чахсан»²³. Собираясь на чахсан со своими прялками (прялками), женщины в течение одного дня пряли нитки для той из них, которая пригласила их к себе²⁴.

Выше мы уже говорили, что ремесленники получали за свой труд натурой. Натурой же расплачивались жители кишлака со служителями мечетей — имамами и муэззинами, с людьми, следившими за благоустройством мазара (они же были могильщиками), с таводжи (глашатаем), учителями школ при мечетях и другими лицами, обслуживавшими общественные нужды.

Участие членов общины в оплате труда ремесленников не было равным. Платить обязаны были все. Но те, кто больше прибегал к услугам ремесленников, должны были платить больше. Однако в оплате служителей мечети, мазара, парикмахеров и таводжи все жители кишлака участвовали в равной мере, хотя зажиточные крестьяне по желанию могли платить этой группе людей больше, чем другие. Содержать служителей мечети, мазара, таводжи и парикмахеров обязаны были и возглавляющие общину аксакалы и эллик-баши, проживавшие в Хумсане мингбаши и кази, а также обосновавшиеся здесь торговцы (преимущественно ташкентцы).

К числу лиц, обслуживавших общину, относились «мурдашуйи» (обыватели мертвых). Мурдашуйи имелись в каждом квартале отдельно для мужчин и женщин. Им платили не все, а лишь те дома, в которых кто-либо умирал. Труд мурдашуйи каждый оплачивал по-своему, — зерном, одеждой и другими вещами из числа принадлежавших покойному. Так же оплачивались «туйбаши» и «дастарханчи» — организаторы различных празднеств и траурных церемоний.

Чем объяснялось длительное сохранение пережитков сельской общины в кишлаке Хумсан? Нам думается, что главной причиной этого была удаленность кишлака от больших торговых центров и, как следствие этого, — слабое развитие товарно-денежных отношений.

Как уже говорилось, в кишлаке преобладало натуральное хозяйство. Почти всеми необходимыми для повседневной жизни предметами жители кишлака снабжали себя сами. Так, хозяйственное мыло они изготовляли из корня растения «етимак» (мыльный корень), щелочи, которую женщины

чем-либо, отдавая этому (см. «Словарь к арабской хрестоматии и корану». Состав. В. Гиргас, Казань, 1881, стр. 545—546; Х. К. Баранов, Арабско-русский словарь, под ред. и с предисловием акад. И. Ю. Крачковского, вып. 2, М.—Л., 1941, стр. 319). В дервишско-мистической литературе слова этикоф и даха употребляются в смысле уединения на определенное количество дней (обычно три дня, десять дней и сорок дней) в мечети (см. «Гияс-ул-лугат», Каунар, 1899, стр. 57). Среди мусульманских ремесленников слово «даха» употреблялось в производственном значении. По правилам даха, ремесленники одной профессии уславливались в течение определенного времени (десять дней или сорок дней) работать никуда не выходя, пока не будет изготовлено определенное количество товаров. За консультацию по этому вопросу приношу благодарность ст. научному сотруднику Ин-та востоковедения АН УзССР Мулле Фаттаху Расулеву.

²³ Специалисты по узбекской хозяйственной терминологии и фольклору, старшие научные сотрудники Института языка и литературы АН УзССР М. Алавия и С. Ибрагимов сообщили мне, что обычной проведения чахсан бытовал также в Ферганской долине, называясь здесь «чахзан» (в Коканде) и «чарх-хасан» (в Андижане). Как в Фергане, так и в Хумсане происхождение обычая чахсан связывается с преданием, по которому дочь пророка Мохаммеда Биби Фатима, родив двух сыновей Хасана и Хусана, якобы позвала на помощь соседок и близких знакомых с их чархами и просила заготовить нитки для ткани на рубашки новорожденным.

²⁴ По воспоминаниям Раджаб биби Арифовой (1882 г. рожд.), Садаф биби Мансуровой и Умурджан Мирмахмудовой (1904 г. рожд.).

ны делали из околлоплодника ореха, и сала крупного рогатого скота. Чай употребляли редко: вместо него заваривали в кипяченом молоке растение «джиджи-куки», или «кийик уги», имеющее тонкий аромат. До 1920-х годов хумсанцы почти не пользовались керосиновыми лампами, а употребляли светильники с самодельным растительным маслом. Самодельной была и посуда, изготовлявшаяся из местной глины.

Таким образом, в старину у жителей Хумсана не было особой нужды в деньгах. Дед автора настоящих строк — Мулла Назарбойбува, бывший человеком довольно богатым, рассказывал, что он никогда не имел в руках ни одной тениги денег. Многие известные старики-дехкане — Хасанбайбува, Ходжумбайбува, Джалалбува, по словам хорошо знавших их людей, вообще не умели считать деньги.

На базары ²⁵ хумсанцы ездили редко — главным образом для того, чтобы сбыв часть продуктов земледелия и животноводства, добыть средства для уплаты налогов. Только в том случае, если после этого оставалось немного денег, на них приобретали некоторые городские изделия.

Нередко продукты своего хозяйства (зерно, масло, шерсть, даже скот) дехкане отдавали базарным торговцам в кредит (насийя) и в условленное время года получали долг на базаре. Или же, наоборот, дехкане забирали в кредит необходимые им предметы и расплачивались за них натурой осенью из собранного урожая. Такая расплата тоже происходила на базаре. У хумсанцев до наших дней сохранилась поговорка: «бозорда оласи — берасимиз бор» (т. е. «на базаре нам надо получать и отдавать долги»). На гузаре (торговом центре кишлака) имелись мелочные лавки, содержавшиеся ташкентскими торговцами, в них покупали такие товары, как сладости, иголки, булавки, фабричные нитки для шитья, женские украшения и др., также неизменно расплачиваясь натурой. Купцов — выходцев из числа самих хумсанцев — не было. Жители кишлака смотрели на эту категорию людей почти с презрением: им приписывали такие пороки, как коварство, лживость и жадность.

Тем не менее в начале XX в., в связи с общим процессом социально-экономического развития колониального Туркестана и ростом классового расслоения, порядки и обычаи, свойственные сельской общине, стали быстро изживаться и исчезать даже в таком отдаленном и замкнутом уголке, как кишлак Хумсан. А с победой Великой Октябрьской социалистической революции здесь произошли коренные преобразования, изменившие в самой основе хозяйственную жизнь и общественный быт кишлака.

В середине 1920-х гг., в период земельно-водной реформы, беднейшие крестьяне, в первую очередь кошчи, были наделены землей и водой. Организовался Союз кошчи, представителем которого в Хумсане был избран бывший кошчи Холмат Махсудов (впоследствии председатель сельсовета и председатель колхоза). В 1927—1928 гг. в Хумсане была создана первая сельскохозяйственная артель. Члены Союза кошчи и другие беднейшие крестьяне составили в Хумсане, как и в других кишлаках Узбекистана, то основное ядро, опираясь на которое Коммунистическая партия и советское правительство осуществили коллективизацию республики. После коллективизации весь земельный фонд и орудия производства перешли в руки трудящихся крестьян.

При всесторонней помощи партии и советского правительства, благодаря братской поддержке русского и других народов нашей страны, такие кишлаки, как Хумсан, где до установления советской власти господствовали патриархальные порядки сельской общины, за короткий исторический срок сделали гигантский скачок к социализму. В настоящее время эконо-

²⁵ Базары имелись в трех больших селениях: Ходжикенте (в 7 км к юго-западу от Хумсана), Искандере (ныне железнодорожная станция Барраж, в 30 км к юго-западу от Хумсана), и Троицком поселке (возникшем после присоединения Средней Азии к России, в 30 км к северо-востоку от Ташкента).

мический и культурный облик Хумсана, материальное благосостояние культуры и быт его населения — членов многоотраслевой сельскохозяйственной артели имени Алишера Навои, — изменились до неузнаваемости. Но изучению современного Хумсана, его людей, их хозяйства, быта культуры должно быть посвящено специальное исследование.

SUMMARY

In the Uzbek mountain village of Humsan situated north of Tashkent, in the foothills of western Tien Shan, survivals of the village commune still lingered in the 19th century and the first quarter of the 20th century; they were clearly traceable in communal and family life, land tenure, cattle breeding and handicrafts. The stability of consanguine relationships and the closed character of the clan groups among the Humsan population were reflected in the marriage customs. In these generally exogamous groups the cross-cousin marriage was given preference. The greater part of the Humsan population was grouped in big patriarchal families; undivided families of 25 to 30 members are to be found in the village to this day.

The irrigated land, at first communally owned, was by the end of the 19th century divided among members of the clan groups. With the development of private ownership of land and water resources, the richer commoners began to appropriate irrigated land and other fertile plots, undermining the very foundation of the village commune. Also with owners of large-scale landed estates there were many peasants in Humsan who had not enough arable land or no land whatever. The latter became either share croppers or farm hands and were mercilessly exploited by the village well-to-do. Families who had not enough land would often join to work their land (usually two or three families). Sometimes one of the local moneybags would join the partnership; in this case the undertaking became a means of exploiting the land-hungry peasants and those lacking agricultural implements or cattle of their own. Among the indirect forms of exploitation there were different types of neighbourly help (at hay making or harvesting time, during the storing of firewood, etc.). Mountain pastures and meadows, as well as woods and bushland, were communally owned. Survivals of communal mutual help can to this day be observed at the time of the storing of firewood. Very characteristic was the process of gathering wild-growing walnuts, which persisted for a long time; this was performed by the entire commune, with the harvest distributed not according to the number of participants but according to the number of families included in every clan group. Old men who had no families and single women with young children were entitled to a share. Survivals of the village commune could be also traced in the attitude towards the artisans (cobblers, smiths, etc.), who received for their labour payment in kind from the commune as a whole. Those who catered to other communal needs (the mirabs in charge of water tenure, the attendants of the mosques, teachers, and others) likewise received payment in kind.

It can be presumed that these lingering survivals of the village commune in Humsan were due primarily to the distance separating it from the centres of trade and the poor development of commodity and money relationships. At the beginning of the 20th century, in connection with the general process of social-economic development in Central Asia and the intensification of class differentiation, the customs and ways peculiar to the village commune rapidly began to disappear even in a locality as remote and secluded as Humsan. With the victory of the Great October Socialist Revolution and the consolidation of the collective-farm system, radical changes occurred in the village transforming the very basis of its economic and communal life.